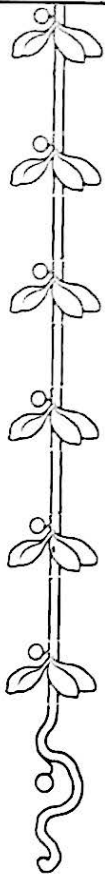




ЧЕХОВСКІЙ ≡

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ.



1860 $\frac{17}{\text{ЯНВАРЯ}}$ 1910.

„Вишневый садъ“.

I.

17 января 1904 г.

Премьера въ московскомъ Художественномъ театрѣ.

Эти премьеры вообще праздничны и торжественны, но въ этотъ день, въ день чеховскихъ именинъ, было первое представление „Вишневаго сада“.

Чеховъ былъ въ Москвѣ, и Художественный театръ организовалъ грандіозное чествованіе писателя и организовалъ съ тѣмъ чисто европейскимъ и культурнымъ умѣньемъ, на которое такіе мастера руководители „театра Чехова“.

Но согласится ли самъ Чеховъ на публичное чествованіе?

Чехова любили какой-то особенной любовью, почти личной.

Были на Руси писатели болѣе широкаго художественнаго размаха, были властители думъ, болѣе ярко свѣтившіе русской дѣйствительности, но трудно указать писателя, котораго окружала бы такая сердечная, такая простая и хорошая любовь, какъ та любовь, что тихо теплилась вокругъ чудеснаго дарованія Чехова въ послѣдніе годы его жизни, въ годы прекраснаго расцвѣта художника и печальнаго угасанія человѣка.

Придетъ ли Чеховъ, выйдетъ ли на подмостки переполненнаго театра? Чеховъ, такой простой, такой скромный и застѣнчивый, такой сдержанный и „обыкновенный“? Чеховъ—врагъ всякой аффектаціи, всякой позы, столь чуждый внѣшней и нарочитой красоты? Одолѣетъ ли онъ свою иронію?

Дѣйствительно, Чеховъ долго отпѣкивался, но друзьямъ удалось его уговорить и убѣдить, насколько необходимо этотъ праздникъ литературы.

II.

Строгій въ тонахъ темнаго дуба залъ художественнаго театра переполненъ до послѣдней возможности. Здѣсь „вся Москва“, все, что въ ней есть мыслящаго, творящаго, выдающагося и... богатаго.

Занавѣсъ поднять, и сцена полна людей. Тутъ депутаціи безъ конца, вѣнки, подарки, адреса, привѣтствія, рѣчи. И на все это залъ отзывается грохотомъ рукоплесканій.

А въ центрѣ всего этого шума и блеска—худой, блѣдный человѣкъ въ скромномъ пиджакѣ, съ нервными, некрасивыми и болѣзненными, безконечно милыми чертами лица.

И этотъ блѣдный человѣкъ, такой „обыкновенный“, такой, „какъ всѣ“, всѣмъ такой близкій и дорогой въ своей чарующей, трогательной простотѣ, такъ высоко превознесень надъ нами, и мы чувствуемъ въ немъ властелина, власть котораго отъ Бога, и мы въ благоговѣйномъ восторгѣ, радостно и любовно отдаемъ подъ эту единую истинную власть.

Привѣтствіямъ не видно конца.

— Сядьте, Антонъ Павловичъ, сядьте,—раздаются изъ зала ласково-озабоченные голоса.

Чеховъ конфузливо отказывается сѣсть, но ласково-настойчивые возгласы не умолкаютъ, Чехову приносятъ кресло, и онъ садится.

Вѣянье грусти и печали проносится по залу, и чудится, что вдругъ потускигль блескъ огней и тѣнь пробѣжала по этому худому нервному лицу.

Этотъ властелинъ, этотъ сказочный принцъ, которому удалось поймать волшебную жарь-птицу, человѣкъ, увидѣвшій осуществленіе того, о чемъ онъ не смѣлъ мечтать въ самые пылкіе часы юности, этотъ счастливецъ, къ которому съ любовью, восторгомъ и благоговѣніемъ тянутся всѣ сердца и всѣ взоры,—въ дѣйствительности такъ глубоко, такъ непоправимо несчастливъ...

Онъ боленъ, боленъ тяжело и неизлѣчимо.

Онъ знаетъ это точно и трезво, какъ врачъ, но иногда обманываетъ себя; какъ поэтъ, онъ вѣритъ и надѣется, но это полу-вѣра и полу-надежда.

Давно уже не можетъ онъ вздохнуть полной грудью, давно уже не можетъ онъ радоваться полной радостью, давно не можетъ надѣяться полной надеждой...

И въ эти чудныя, незабвенныя мгновенія, когда мы такъ восторженно и такъ задушевно благодарили Чехова за то, что онъ существуетъ, по его блѣдному, скорбному лицу уже пробѣгали темныя тѣни, отраженія черныхъ крыльевъ, которыя рѣяли надъ нимъ...

И казалось, никто невидимый горько усмѣхался на этомъ свѣтломъ праздникѣ и среди радостнаго шума грустно-насмѣшливо шепталъ:

— Къ чему талантъ, къ чему успѣхъ, къ чему слава? Древній мудрецъ-скептикъ сказалъ: „живой собакѣ лучше мертваго льва“. За здоровье, за одно глупое, грубое, простое здоровье, за то здоровье, которое подобно счастью: есть, когда его не чувствуешь,—развѣ за него не отдалъ бы онъ всю свою славу, все свои успѣхи, весь свой талантъ и всю литературу?..

Праздникъ прошелъ, и вновь мы видѣли прежняго Чехова, будничнаго, необыкновенно простаго и безконечно милаго. И Чеховъ уморительно изображалъ эпизоды своего чествованія.

Одинъ профѣзжій редакторъ изъ очень далекой окраины повышеннымъ тономъ произнесъ напыщенную рѣчь.

— Сердитый, — рассказывалъ Чеховъ, — волосатый, съ огромными усами, руками машеть, кричитъ... Боже, какъ онъ на меня кричалъ! Я со страху и не разобралъ, въ чемъ я передъ нимъ провинился...

III.

Былъ ли удовлетворенъ самъ Чеховъ?

Какой же истинный художникъ доволенъ своимъ твореніемъ? Это ужъ послѣ Чехова авторы стали выступать съ защитительными письмами или разговорами по поводу проваловъ и публично обнаруживать свое самодовольство.

„Вишневый садъ“—одно изъ лучшихъ произведеній Чехова, исполненіе пьесы въ Художественномъ театрѣ—одно изъ лучшихъ сценическихъ достижений, но мнѣ вспоминается Чеховъ на одномъ изъ представлений „Вишневаго сада“ грустный и огорченный. Въ наполненномъ театрѣ былъ шумъ успѣха, а Чеховъ печально твердилъ:

— Не то, не то...

— Что не то?

— Все не то: и пьеса и исполненіе. У меня не вышло то, что я хотѣлъ. Я видѣлъ совѣтъ не то, и они не могли понять, чего я хочу...

Но мы, зрители и читатели, шесть лѣтъ тому назадъ, 17 января 1904 г., видѣли нѣкое чудо.

Мы видѣли, какъ человекъ оказался пророкомъ въ своемъ отечествѣ. Даже больше: въ своемъ городѣ. Ибо Че-

ховъ, хотя и родился въ Таганрогѣ, былъ настоящимъ москвичомъ.

И на нашихъ глазахъ Антоша Чехонте сталъ г. Чеховымъ, а г. Чеховъ сталъ просто Чеховымъ, безспорнымъ и любимымъ, гордостью и славой русской литературы.

И все это нарастало такъ незамѣтно, почти неувлимо.

Толстой „Севастопольскими рассказами“, Тургеневъ— рассказомъ „Хорь и Калинычъ“, Достоевскій— „Бѣдными людьми“, Горькій— „Челкашемъ“ сразу стали по ту сторону таинственной грани, за которой начинается неизъяснимое чудо подлиннаго искусства.

Они расцвѣтали такъ, какъ расцвѣтаетъ то чудное тропическое растеніе изъ лѣсовъ Бразиліи, которое, по преданію, цвѣтетъ разъ въ сто лѣтъ и о которомъ говоритъ Гейне, вспоминая свое дѣтство!

— Ночью мы слышали выстрѣлъ, какъ изъ пистолета, а утромъ дѣти сосѣда рассказали мнѣ, что это ихъ алоэ распустилось съ такимъ трескомъ. Они повели меня въ свой садъ, и тамъ я съ глубокимъ удивленіемъ увидѣлъ, что это низкое, твердое растеніе, съ широкими колючими листьями, вдругъ вознеслось высоко, и тогда старый добродушный Христіанъ приставилъ къ цвѣтку деревянную лѣстницу; точно кошки, вскарабкались мы наверхъ и съ любопытствомъ смотрѣли на раскрытую чашечку цвѣтка, въ которой, какъ лучи, лежали золотистыя нити, и какое-то дикое, незнакомое благоуханіе выходило съ неслыханнымъ великолѣпьемъ.

Такъ расцвѣтала и поэзія Толстого, Тургенева и Достоевскаго, и трудно было заглянуть въ чашечки прекрасныхъ цвѣтовъ, которыя качались высоко надъ нашими головами, и критики старались подставить намъ лѣстницу.

Не такъ было съ Чеховымъ.

Онъ началъ скромно и незамѣтно.

Цвѣты его юмора такъ мало выдѣлялись на тощей нивѣ нашей мелкой журналистики.

Въ блестящихъ остроуміи, въ улыбкахъ милого юмора, столь беззаботно расточавшихся непритязательнымъ Антошей Чехонте, правда, сверкали искры подлиннаго таланта, звучали порой отзвуки странной и глубокой скорби, но въ этомъ не было ничего поразительнаго.

Сколько сверкающихъ осколковъ разбитыхъ дарованій, сколько блестокъ крупныхъ, размѣнявшихся и раздробив-

шихся талантовъ мелькаетъ ежедневно въ нервной и пестрой сутолокѣ газетныхъ листовъ!..

Среди этихъ кладбищенскихъ цвѣтовъ росъ и талантъ Чехова.

Но онъ поднимался все выше и выше, расцвѣталь все пышнѣе, и скромно и тихо, безъ скачковъ и безъ шума, выросъ во славу и гордость русской литературы.

Все это сдѣлалось такъ просто и такъ незамѣтно, что критика такъ и не догадалась приготовить своей лѣсенки и за двадцать пять лѣтъ не успѣла рассмотреть, что такое Чеховъ.

IV.

Тѣ печальныя мимолетныя тѣни, которыя тревожно мелькали въ этотъ вечеръ триумфа, какъ будто разсѣялись.

Иногда сердце сжималось тяжелымъ предчувствіемъ:

— Неужели это прощаніе? Ахъ, зачѣмъ они въ этой трогательной заботливости задѣли это больное мѣсто? Зачѣмъ кричали этому моложавому, 44-лѣтнему человѣку: „сядьте!“ Ужъ лучше онъ бы себя превозмогъ на этотъ разъ и не слышалъ этихъ напоминаній о своей болѣзни...

Но недугъ, казалось, щадилъ Чехова.

Новыя надежды у него возникали, намѣчались планы новыхъ работъ.

И даже въ Баденвейлерѣ, куда онъ уѣхалъ послѣ остраго ухудшенія, наступившаго у него въ нашу гнилую весну, онъ еще надѣялся.

Въ редакціи „Русскихъ Вѣдомостей“ получено было отъ него письмо отъ 12 іюня, въ которомъ онъ сообщалъ:

„Здоровье мое поправляется, входитъ въ меня пудами. Ноги ужъ давно не болятъ, точно и не болѣли. Ымъ я помногу и съ аппетитомъ...“

А меньше, чѣмъ черезъ три недѣли, и менѣе, чѣмъ черезъ полгода послѣ январскаго триумфа, сердце не выдержало, и Чехова не стало.

И вмѣстѣ съ нимъ не стало того счастья, которое онъ доставлялъ намъ своимъ существованіемъ, всѣмъ, что онъ дѣлалъ, переживалъ, чувствовалъ...

„А счастье было такъ близко, такъ возможно“...

Еще лучезарнѣе, еще ароматнѣе расцвѣла поэзія Чехова въ этомъ благоуханномъ „Вишневомъ садѣ“, еще больше раскрылось прекрасныхъ, свѣтлыхъ, чудесныхъ возможно-

стей, а через нѣсколько мѣсяцевъ мы уже хоронили эти возможности, мы уже сложили ихъ подъ цвѣтущимъ холмикомъ на кладбищѣ Новодевичьяго монастыря.

Точно любимая женщина умерла, и мы жадно перечитываемъ ея письма, такія простыя, такія сильныя и захватывающія.

И въ нихъ сквозить эта прекрасная душа, эта пушкинская хрустальная ясность, сквозить эта простая человѣчность, свободная, безъ святости и нетерпимости.

Чеховъ такъ безгранично вѣрилъ въ жизнь и счастье, такъ проникновенно показывалъ, что „такъ жить нельзя“.

Чеховъ избѣгаетъ всѣхъ блестящихъ красокъ жизни, ему не нужны были не только румяна и бѣлила, ему не нуженъ былъ даже естественный румянецъ жизни, чтобы любить ее.

Послѣ чеховской простоты даже безсмертнѣйшій гоголевскій Акакій Акакіевичъ кажется нѣсколько аффектированнымъ, а Макаръ Дѣвушкинъ у Достоевскаго—слащавымъ и приторнымъ.

И какія у этого сдержаннаго, цѣломудренно-скромнаго поэта простыя и чудесныя ласковыя слова!..

Усталому человѣку онъ говоритъ:

„Ты отдохнешь, ты услышишь ангеловъ, ты увидишь небо въ алмазахъ. Ты увидишь, какъ все зло земное, всѣ наши страданія потонутъ въ милосердіи, которое наполнить собою весь міръ“.

А человѣку разочарованному, отчаявшемуся, потерявшему смыслъ и цѣль жизни онъ говоритъ этой чудесной плѣнительной лаской изъ „Вишневаго сада“:

„... Не плачь, мама, у тебя осталась жизнь впереди, осталась твоя хорошая чистая душа... Пойдемъ со мной, пойдемъ, милая, отсюда, пойдемъ! Мы насадимъ новый садъ, роскошнѣе этого, ты увидишь его, поймешь, и радость тихая, глубокая радость опустится на твою душу, какъ солнце въ вечерній часъ, и ты улыбнешься, мама! Пойдемъ, милая, пойдемъ!..“

И поэзія Чехова, какъ поэзія „Вишневаго сада“, опустилась на нашу душу, какъ тихая, глубокая радость, какъ солнце въ вечерній часъ.

С. Любошъ.